

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0058.01.01

Елена Бондарь

21 августа 2012

Таре #1

- Спасибо большое, что Вы согласились с нами встретиться.
- Пожалуйста, не за что.
- Я сначала хотела попросить, чтобы Вы представились. Как Ваше имя и фамилия?
- Бондарь Елена Эдмундовна. Девичья – Белинович.
- В каком году родились?
- В 1924-м, 19-го июня.
- И где?
- Где? В Дрогичине, Дрогичинский район, станция Липники.
- А где проходило Ваше детство?
- Детство в Ганцевичах проходило.
- Несколько недель тому назад к Вам приезжали мои коллеги и Вы делились воспоминаниями, помните?
- Помню.
- Вот, и мы вернулись обратно, чтобы записать их на видеопленку. Скажите, пожалуйста, как Вы помните, вот, Ганцевичи до войны, какие люди тут жили?
- До войны люди жили здесь нация поляки. Польша была здесь до войны. До 39-го года была Польша и люди жили здесь, ну не скажу как, поляки считались, конечно, все считались поляки здесь.
- А кроме поляков кто еще жил?
- Евреи были, православные были, ну были там секты разные, но я их не помню. Баптисты их называли. Всего.
- А какие были взаимоотношения между людьми?

- В Ганцевичах народ очень спокойный и мирный. Со всеми мирились, не было у нас таких встреч, чтобы кого-то не люблю, кого-то не этого, у нас не было такого. У нас все одинаковые были люди, в Ганцевичах.
- Скажите, а Вы были знакомы с евреями?
- С евреями была я очень знакома. Я училась, были у нас в школе дети евреев. Мы жили между евреями. Отец работал на железной дороге, и у нас своего дома не было, потому что отец ездил туда-сюда, где посылали, но а наконец мы приехали в Ганцевичи и жили в железнодорожном доме раньше, так как он же был железнодорожник, а потом, когда его на {эмеритур?} послали, на пенсию то есть, не на {эмеритур?}, тогда мы переехали к евреям на квартиру и жили с евреями мы все время.
- Может помните имена этих евреев, у которых жили?
- Вы знаете, имена я, ну как знаю, называли ее Сорка, а была она сама Кербель, фамилия ее была. Она старуха была, была у нее дочка была. Было дочек у нее много, семья большая была у них, но они замужем были, отдельно уже жили, бабушка эта их, мать. Ну а так евреев я всех знала. У нас большинство в городе были евреи. Очень много было. Вот это где у нас парк, если вы заметили, две улицы, это было, поселены были евреями. Они торговали, у них были склепы, лавки были, торговали. Кто продуктами, кто чем, даже были и такие ремесленники были. Коваль один был, коваль второй был и третий коваль был, знаю. Это я знаю. А училась я, и евреи учились с нами, но мы все дружили вместе. Не было у нас таких там единоличников, чтобы я, я – нет. Ничего не было.
- А может припоминаете какие-нибудь имена еврейские?
- Фамилии я помню.

- Фамилии.
- Кипеть – это была подружка моя, Кипеть, евреечка была, училась со мной в одном классе. И еще там были девочки, но я не помню, большинство помню ее, потому что дружила с ней. Отец ее был купец, торговал лесом. Их дом еще и теперь стоит, Кипеть. А так были много евреев было, много, очень много было у нас евреев. В общем, почти все евреи были. Две-три улицы – это еврейские были. Ну все, и мы между ними жили.
- А может помните имена вот этих торговцев, лавочников?
- Я фамилии могу сказать.
- Фамилии.
- Фамилии. Ну кто – Данчик, где мы покупали всегда у него на книжку, он писал себе, мы себе, а получал отец пенсию – мы рассчитывались. Данчик был фамилия его. Потом жили мы Кербель была женщина. Потом была дочка ее замужем за Плотник, тоже был купец, лесом торговал, что-то такое, Плотник. Потом был Каплан, тоже ее зять, дочка была за Капланом, был Цирюльник, был Каплан я говорила, Цирюльник, ну кто там еще, много знала, а теперь вот не помню сказать, надо было пописать мне их всех. Виленская была, Малкин, Клецка, Лис. Имели... Лис имел готель, это что – готель.
- Гостиница.
- Гостиница. Лис был. И еще один был, одна гостиница была, по моему гостиница была Клецких, да, Клецких была еще одна гостиница была. А так Коваль, фамилия его Коваль была и он сам коваль. Пик еще был. Фалевич был, еврей. Много фамилия я уже вам наговорила, так что.
- Скажите, а Вы видели, как изменилась их жизнь, когда началась война, когда немцы пришли?

- Видела, видела. Когда пришли немцы, через какое-то время стали, ну как, преследовать евреев. Женщин заставляли носить кружочки желтые на левой стороне на груди и на плечах. Носили они кружочки, нашивали желтые. Мужчины, их не заставляли ничего носить, но их, им сделали такой, вы знаете, вроде гетто, но это не было гетто, это была только площадка для работ их, они там работали, а что работали – привозят большой воз без коня, ставят на середину этот воз и заставляют их мусор собирать, полоть траву, а трава, площадка эта, люди ходили, твердая. Двор был Масарника, поляка двор был, но двор {непонятно} были, он делал, переделывал мясо на ветчину. Так что там было мусора всякого. И вот этих бедных евреев заставляли полоть руками эту траву маленькую дочиста. Руки болели им и они что делали, заставляли их зубами драть. Наложат полный воз и заставляют их везти, вывозить за город. А воз такой копной большущей наверху. Там больше земли чем той травы было. А я с подружкой, мы это все глядели с высоты, что они делают. Костел был напротив, так где теперь у нас райисполком, то был этот двор, а костел был где РДК у нас, на фундаменте РДК... костела построили РДК. И вот мы залезем на высоту, на вежу, вежа по-польски а по-русски как не знаю.
- Ну башня, наверное.
- Башня. На башню залазим, на башню туда, костел был всегда открыт, ксендз никогда не закрывал. Во-первых, уже ксендза не было. И этого... и мы оттуда глядели, что они делают, там их и били, так в общем, издевались над ними. Над этими евреями. Вот это я видела на собственные глаза.
- Вы на это смотрели один раз или несколько раз Вы заходили?

- Мы несколько раз ходили туда. Мы бегали, а что было делать, пятнадцать лет было мне. Бегом, посмотрим, что там делается. Бежим.
- И в этом дворе, скажите, вот, трава, какой высоты была эта трава?
- Трава? Что было?
- Трава какая была, маленькая?
- Трава была мелкая, очень меленькая трава была. Очень мелкая трава была. Потому что там же, знаете, люди ходили, то где росла, а где и не росла. А так мусор всякий был и трава эта мелкая была. Мелкую травку рвали. Нарывали такие большие, я ж говорю, повозки, и потом вывозили за город это. Куда, где-то в ту сторону.
- Как вывозили?
- Как вывозили, кто за дугу держался, где лошадь {неразборчиво}, кто-то пихал, так было.
- Вот когда Вы это видели, ну примерно, сколько евреев было в этом дворе?
- Там человек может быть было... не скажу, сколько. Много было их.
- Ну десять, пятьдесят, сто.
- Сто-то не было, не было сто, ну толпа, знаете, людей, мы не считали их.
- А за что их били?
- За что били? За то, что он не мог работать, то они их еще били. Я ж говорю, руки калечили, траву эту рвали пальцами, а она же вросшая, площадка эта, это же ходили люди. Не можешь, значит бьют. Не можешь – зубами рви.
- А откуда Вы знали, что они зубами рвали, если Вы сверху?..
- Я, видно было. Видно с высоты ж мы смотрели. Ну не все, не все рвали так, которые уже не могли рвать. Не все. Некоторые рвали,

которые руки болели, пальцы покалечили. И плевали, между прочим, сплевывали, значит песок попадал.

- А могли Вы слышать какие-нибудь команды, голоса вот, на каком языке это все было?
- Вы знаете что, на языке каком я не скажу, но форму я видела, немцы были, полицаи были. А звук не доходил к нам. Ну конечно немцы кричали {непонятно на немецком}. {<= То же} знаете что это по-немецки? Ругательные слова. {<= То же} так как будто бы у нас иди к черту или черт бы тебя взял, вот такое что-то.
- И как долго они должны были ну работать в этом?
- До темна.
- И это было каждый день?
- Каждый день. Каждый день они их гоняли сюда.
- А где они жили?
- По домам. По домам, их пускали домой. Я например видела, те, которые около нас жили, то я их видела вечером, видела их. А больше я не знаю. А тех то я видела, знаю, что жили дома.
- А когда Вы сидели в этой башне, Вы могли ну узнать, каких-то знакомых там увидеть среди?..
- Ну евреи были все знакомы мне. Большинство. Потому что мы жили между евреями, то видишь. Вот так как теперь соседей я же вижу.
- И как долго вот они так трудились?
- Вы знаете что, они может быть, трудились может недели две, трудились они. Недолго. А потом их посылали еще куда-то, но той работы я не видели, не знаю они их. Строили там в {Гольшуме}, то говорят они тоже работали там, это уже мне люди говорили, слышала от людей, как говорили, что они работали было за городом

в сторону Люсина, в {Гольшуме} было, строили эту, это деревянная обувь была. Были такие на колодках ходили.

– И что было потом?

– Потом. Ну что потом было. Начали они. Ну они жили долговато так вот, по работам этим всем ходили. Евреев гоняли. Эту одну работу я видела. А то, то там работают, то там работают, то там. А потом же что. Когда мы стали уже, когда тут, в котором году, вы знаете, забыла год, в котором году их порасстреливали. А, еще что. Когда вели кого-то, людей, и русских, и одна еврейка была знакомая, тоже вели стрелять. А мы жили тогда не здесь, не у Кербеля, мы уже были по той улице, по Октябрьской жили, там где дом, где выезжать на железную дорогу, там мы жили. А они, немцы и полицаи, водили расстреливать людей в лес. И там тогда у нас маленький городок был, не было у нас такого, стройки, эти улицы на кладбище где теперь, нет, там был лес. И вот они в этом лесу, за город, выводили и расстреливали людей. Там были и евреи, там были и русские, так были и которые шли из этих, с лагерей пешком, домой добирались, тоже были. Был, даже я знала его хорошо, секретарь райкома комсомола, тоже попал сюда в расстрел. И когда ведут стрелять, то бегут нам окна закрывать, а у нас были ставни на окнах, ставни, то как это сказать...

– Понимаю.

– На день открывалось, а на ночь закрывалось. Так они, если бы было тут больше у них, то бы они этого не делали, а так они бегут и закрывают нам окна. Ага, что-то есть, правда. Что-то есть. Мы становимся на скамейки, а ставни были с обзорами, дырочками, и мы смотрим в эти дырочки, кого ведут. Ведут, ага, знакомых, которых вели. Евреечку, парикмахер, она работала парикмахером, тоже расстреляли, завели туда вели. Потом этого с райкома

комсомола, тоже, секретаря райкома комсомола тоже расстреляли. Он был русский, не еврей, русский был. Но расстреляли. Ну еще что, что вам рассказать еще тут в этот момент. Водили людей, часто нам окна закрывали. То где мы смотрели, а уже где и не смотрели. Уже знаете, неприятно был такой вид, посмотреть. Ну потом...

- Так, минуточку. Ага. Я хотела спросить, а эту евреечку как звали, парикмахершу?
- Каплан фамилия, а имя я ее не помню. Каплан была.
- А этого секретаря комсомольского.
- Лагунович. Тоже не помню имя. Лагунович.
- Ну и теперь, их водили большими группами или маленькими, по одному?
- По одному, по двое, по трое водили, ну больше не было.
- А могли Вы потом... Что, извините?
- Шли на кладбище, похоронили были у нас человека одного и мы ходили на кладбище, знакомый был, мы пошли как православный, поляк, между прочим, умер. Ну и идем с кладбища с подружкой, и она давай пойдем лесом, дорожка там была, и мы лесом идем. Боже, тут кричат немцы, что, один по-русски кричал – уходите отсюда, а то мы вас постреляем вместо них. Понимаете, так нам сказали. Мы еще не растерялись, посмотрели, что. А там ямы выкопаны, готовые ямы, только приводи и стреляй. А теперь там дома стоят. Правда, секретаря райкома мать здесь жила тоже, то забрала было его. Не тогда, а уже теперь, после всего этого.
- Так сейчас я хочу уточнить. Вот эти ямы, которые Вы видели – это было то место, куда водили, вот, по одному, двум?
- Да, по одному было это, по одному, ну, когда два. Видно они копали раньше, допустим, утром выкопали, видно, а потом привели уже в

готовую яму. Но этого я уже сказать не могу, потому что и так нас напугали.

- Какого размера примерно были эти ямы?
- Как?
- Какого размера были ямы?
- Ну, ямы как хоронить. Яма такая, ну, как диван, такая яма, такую я видела яму, может, немного больше, длиннее.
- Вы видели одну яму или несколько ям?
- Знаете, там свежая земля была, несколько мест было свежих. Ну эта была выкопана свежая.
- Так, правильно ли я понимаю, что людей, которых водили мимо вашего дома, водили к этим ямам?
- Да. Да. Это полицаи. Полицаи это водили, немцы, немцы тоже были там. Немцы были, СДовцы, СДовцы их... СД – это было самое страшное.
- А откуда Вы знали, что это СД?
- Вы знаете, они как-то отличались немного. Больше этих звездочек было у них и форма какая-то такая была немножко. Чуть отличались. Мы их разбирали, что это немец а это СДовец.
- Хорошо, и когда Вы неожиданно подошли к этим ямам и вы увидели, так были немцы, да?
- Немцы были и полицаи были.
- И полицаи. Их было сколько, примерно?
- Человек, видно, пять было.
- И они там стояли, но людей, которых надо было стрелять, не было?
- Наверное ждали, а может их, что их приведут другие, мы так поняли. Потому что они кричали нам, что уходите, а то мы вместо них то вас постреляем.

- И этот человек, который Вам это кричал, был в какой униформе?
- Как?
- В какой униформе был этот человек, который...
- Это форма была черная, это были такие рабочие, это по-видимому копали яму. Черная. Как же эта форма называлась? Не помню.
- Так этот человек не был немцем?
- Он был, по-видимому, мадьяр, мадьяр, мадьяры еще были здесь. Это чехословаки там где-то, там, там, оттуда, где Чехословакия, венгры. Но мадьяры назывались они.
- И он говорил по-русски?
- По-русски говорил. Ну, немцы тоже умели по-русски говорить.
- А какое расстояние было между вот этих вот ям и Вашего дома, где Вы тогда жили?
- Ну это было, тогда был лес, ну расстояние метров двести было, может триста даже. Да, триста было, потому что от нашего переезда до другого переезда километр это тысяча, ну где-то в половине этой дороги было, метров пятьсот по-видимому.
- Так вот Вы когда видели, что ведут этих людей на расстрел...
- Туда?
- Откуда Вы знали, что их там стреляют?
- А почему ставни закрыли нам? Ставни закрыли нам на то, чтобы мы не видели, кого ведут.
- А выстрелы Вы слышали?
- А?
- Выстрелы слышали?
- Конечно слышала. Слышно было выстрелы нам. Уже, говорит, рассчитались. Так мы говорили.
- А эти выстрелы были такие одиночные или автоматические такие?

- Автоматические, потому что трр-р-р-р, так было. Не то пух чтобы.
- А как, что люди говорили, кто выкапывал эти ямы и кто их закапывал?
- Наверное, мы тогда говорили между собой, что это мадьяры копали их, эти ямы. Мадьяры тоже не были немцы, это тоже какая-то нация, они уже подхватили к себе, немцы. Ну и называли их мадьяры у нас. Черная была форма у них такая, более рабочая, уже не такая, как немцы.
- А расскажите про полицаев.
- Про полицаев? Про полицаев ну что я могу рассказать. Не знаю. Про полицаев сказать. Ну что, работали с немцами они.
- А чем они отличались, отличались, как они были одеты?
- А вы знаете что, что они были в немецкой форме. Эти полицаи. Только немецкая форма ну без этих шапок таких, как у них были, без этого были они, а были в немецких формах. По-видимому, рабочая форма немецкая была на них. Такие были у них жакеты, такие более простые и сапоги кирзовые, а у немцев были кожаные сапоги. А у них были кирзовые сапоги, вот как рабочие у нас сапоги такие. Такие у них были сапоги простые. Ботинки у них были простые. Они тоже, видно, мы так, здешние люди, рассудили, что это, по-видимому, их рабочая сила.
- У них было оружие?
- У этих мадьяров?
- У полицаев.
- А, у полицаев? Не знаю. Не знаю.
- Ну, а Вы когда говорили, что гнали полицаи, немцы и полицаи.
- Да.
- Кого-то на расстрел.

- Да.
- Тогда у них было...
- А у них нагайки, резиновые бичи такие, бичи были такие резиновые. Как даст этим бичом, то лучше, чем пуля.
- А на каком языке говорили эти полицаи?
- Не скажу. Я близко с ними никогда не встречалась. Никогда не встречалась близко с полицаями. Всякие были полицаи. Были и чехословаки были, и может быть даже и здесь где-то с этих местности наших, как теперь Беларусь, может и здесь были. Но чтобы я разговор слышала, я не слышала, я не могу сказать вам разговоры.
- А как Вы себе теперь помните, ну сколько этих полицаев могло быть в городе?
- В городе? Полицаев? Кто его знает. Не полно было. Немцев полно, полицаев... Этих черных было полно, полно было. Были у них там около переезда, был тоже лес и немного пустого места было там и там была их пекарня, хлеб пекли немцам. И там были бараки, там были склады у них, а здесь, на эту сторону пути был склад с бензином. Это же все рабочие люди. Все в форме эти черные и эти немецкие.
- Хорошо. Вот когда Вы смотрели через эту щель, когда Вы смотрели. Ну, допустим, ведут одного человека, а сколько этих, которые его ведут?
- Сколько там было их.
- Ну обычно сколько там?
- Обычно они вели человек четыре, по-видимому, а то может и пять. Потому что так с одной стороны два и с другой два стояло и один сзади, ну пять.

- И это были и полицаи, и немцы. Или только полицаи?
- А там были и немцы, и были полицаи. И были... А черные... черные в лесу это мы видели.
- Хорошо. И как долго вот происходило вот то, вот как одного поведут, другого – как долго вот это вот?
- Это, сколько были немцы, столько они стреляли. Нам уже надоело, мы уже потом не смотрели. Стихли, уже начали немцы работать, жить. Стало тишина. Уже евреев расстреляли когда, уже всех, тогда уже тихо в городе было. Уже не водили поодиночке, уже не было такого. А когда уже собрали евреев всех, расстреляли в одну ночь, тогда мы уже жили не у евреев жили мы, а жили мы напротив. Этот дом стоит еще и теперь, где мы жили в том доме по улице, поэтому мы все видели. То тогда евреи рядом жили с нами и напротив евреи жили. Когда стреляли всех. Утречком слышим шум в городе. Это мама услышала шум, говорит, что-то шумно, говорит, в городе, что там делается. А потом начало рассветать, глядим, против дома этот который окна открыты, двери открыты, все это гуляет и другой дом тоже, все пусто, нету никого. Мама позвала, называлась она Соня? Соня... Соня или Сора называлась. Мама через улицу кричит – Сора, Сора! Нету. Нету никого. А потом приходит. А, потом слышим уже, светает, слышим выстрелы. Мама говорит – стреляют, и так стреляют густо. Мы вышли все, слышим, да, говорит, стреляют, в лесу стреляли уже. Евреев забрали всех согнали. Без, там русских не было. Русский только, русских только погнали уже знаете когда. Русских только загнали, когда стреляли, то у нас сосед был там. Рядом, дом наш длинный, нас трое жило квартирантов. Сосед и двое квартирантов. И вот пришел этот сосед и говорит, что там делается, какой там ужас, ужас, говорит. Расстреляли всех евреев. Мы спрашиваем, что там за стрельба. А они говорят – вы видите, пусто в

городе. Забрали всех евреев. Я там не была, там женщин и близко не пускали, там одни мужчины работали, потому что там деревня близко, ну то может с деревень люди, и то, говорит, не пустили никого близко, охрана стояла. Немцев хватало, полицаев тоже. И там стреляли. Стреляли, и как они стреляли. Это тоже сосед рассказывает. А было у нас, вот расскажу хоть, это уже побочно. Знаете, немец влюбился в одну девочку, еврейку. Но она была красавица. Красавица была такая, это я уже вам рассказываю. Такая красавица была. В городе таких не было, такой не было красавицы, как она. И она эту латку всегда накрывала. Она ходила так с латкой, но накрыта. Немец не видел этой латки, что это еврейка. Влюбился в нее. И пришлось ему расстреливать эту еврейку. Так он там, плохо ему было. Сосед, а мы все знали про это, потому что она красивая была и все говорят, тот немец дружит с этой, Лис ее фамилия была. Ну это я уже побочно рассказала.

- Ну, ну, ну, так это сосед рассказывал?
- Ну. И ему плохо стало, и он не стрелял. Подошел в стороннее место расстреливал. Ну, в общем, расстреляли, закопали. Но я этого не видела. Но говорят, что там земля шевелилась еще. Конечно, некоторых может быть они и не застрелили, ранили или еще живая одна, иди вторая, или третья может быть и осталась, так они шевелились. То говорят, что земля шевелилась. Этот тот мужчина, который расстреливал, не расстреливал, закапывал, то говорит, шевелилась еще земля. Страшно было.
- Так этот, который закапывал, это и был Ваш сосед? Который рассказывал это все?
- Да. Рассказал мне этот сосед наш, нам, мы мама вышла, все мы вышли и он давай рассказывать. Спрашиваем, нам же интересно, как это было. Так он нам свежее рассказал это все. Говорит, я вам

рассказываю так, как было. Страшно. И столько евреев. Ну многие остались живые. Раньше выехали из Ганцевичей. Шостак. О, я не сказала фамилию Шостак. Вся семья осталась. Шостаки. Официнер остался. А еще кто. Ну я больше не помню. Шостаки и Официнеры я знаю. Шостак приходил к нам. А Шостак это внук бабушки этой, которую мы жили у нее на квартире. Так он приходил к нам.

- А Вы сказали, что они заранее уехали. Заранее – это когда?
- Ну, перед выстрелом этим. Перед этим, когда имели расстреливать, они уехали. Ну, они, по-видимому, чувствовали, или кто им подсказал или что, но уже их дело было. Ну они уехали. А еще Шмуклер. Ну Шмуклер-то в деревне жил, а потом переехал в Ганцевичи.
- Ну вот и Вы увидели, что двери открыты, окна открыты.
- Да. Все это очистили. А потом как начали...
- И что случилось с вещами, которые были там?
- Вы знаете что, что я прямо не знаю, что с вещами. Немцы забрали, по-видимому. Потому что кто это пойдет в ту хату. А может кто и брал. Не видела. Этого я не знаю. А пооставалось, немцы потом заселились в эти дома. Так что, наверное, может полицаи где брали, может. Ну между собой наверное. Между собой. Ну кто там пошел, никто не пошел туда. Мы жили напротив, и то. Даже близко боялись подойти туда, не только.
- И что потом было?
- Ну потом что. Что ж потом. Немцы командовали здесь. Работали. Заставляли людей работать. По четыре часа можешь, не можешь, должен был работать. Где попало.
- А вот то большое место расстрела, где вот в ту ночь, в то утро расстреляли всех.

- Над утром они забрали.
- Ага. Какое расстояние было от вас до этого места?
- Ну, километров семь-девять, может быть так. Далеко, прямо. По этой улице прямо.
- А Вы сами туда ходили потом, после?
- Нет, нет. Нет, я не ходила туда. Я боялась. Смотреть, не только идти туда.
- Ну и как жизнь, так сказать, складывалась дальше, когда вот...
- Ну преследовали людей все время здесь. Прижимали. Хлеб был знаете какой у нас, хлеб был, давали нам хлеб. Такие вот устюки, как овес, лошадей кормят и чистят этот овес. Так они мололи с этим и заставляли, пекли нам хлеб такой. Невозможно было есть. А эти устюки, как мы их называли, острые ведь это попадается, проглотить невозможно. А сами пекли хлеб очень хороший себе. Чего я, знакомая работала, а эти были у нас, знаете. А чего это пленные у нас. А, пленные. Откуда они пленных понабирали, прислали в Ганцевичи. Мужчины были пленные и женщины, семьями выселяли из деревень. Из России сюда. У нас были много семей, жили. Русских.
- И это назывались пленные?
- Пленные называли.
- И где они поселялись, эти пленные?
- У людей жили. Ну разве я, пришел человек, просится, место есть – пожалуйста, живи. А так нет.
- И много у Вас таких было?
- Семей нет, немного семей было. Пустые же дома были. Не все же они заселили. Они заселили только богатых евреев дома, немцы. А эти маленькие домики, они пустовали – заселили этими пленными.

- А может слышали, что эти пленные рассказывали, почему их перевезли к вам?
- Почему? Потому что там шел фронт. Фронт. И их оттуда забрали сюда немцы, пожалели. Фронт стоял там, воевали. У нас тут прошел очень быстро, фронт, за один день. И приехали немцы к нам уже. Мало то, что брестчина не давалась, а у нас тут мигом, о то явились немцы. Мы думали, культурные люди приехали, с запада. А там культурные показались какие.
- А скажите, когда уже приближался второй фронт...
- А, второй фронт.
- Что там было?
- Когда шли обратно.
- Ну.
- О, вот это расскажу тоже. Обратно, откуда. Немцы сами сказали, что мы скоро уходим.
- Это Вы слышали своими ушами?
- Своими ушами я слышала, что мы скоро уходим. Ну, вы скоро уходите и тут приближается фронт. Говорят, сегодня вечером будут у нас уже немцы уходить. А тут был склад с бензином, около железной дороги, и к нам очень близко. Все люди, наши жители, большинство, пошли в лес. Утекли. У нас тоже отец и сестра одна, и сестра вторая. А я с мамой остались здесь, дома. Все мы прятали, закапывали. Выкапывали ямы и все, что лучшее – в ямы и засыпали песком. Забирали. Ну на что им это? Уходили и на что им это. Или палили, или рвали, или что – не знаю, что они делали с этим. В общем, мы остались с мамой. Ночь. Темно. Тишина пока, тишина. Начало ворчать – едут. Едут первые немцы. Проехали первые немцы – ничего. А мы из лома ушли, спрятались в этот, в огороде. А в

огороде росла под забором малина, и с другой стороны у соседей тоже остались два человека и мы переговариваемся в этой малине. Слышим – едут. А я. Едут – мама одна, я пошла, я говорю, я пойду к маме. Пошла я к маме, мама говорит – ну так ляг на кровать. Я легла на кровать, а кровать пустая, а я зимнее пальто одела на себя и лежу на кровати. Вдруг слышу, вырвали крючок у нас, крюк был такой большой у нас, закрывали дом на ночь. Вырвали. Вырвали, а на веранде что-то тук-тук, тук-тук, тук-тук. Не знаем. Заходит человек к нам. Заходит, и заходит, вы знаете что, он без формы, без ничего зашел. И говорил немного на польском языке, но немец. Немец. Но без формы был. Зашел и говорит, к маме, я в спальне в нашей лежу на кровати и думаю, хоть бы он не зашел сюда, не напугал меня. Он не зашел сюда, а говорит маме, а у мамы горела такая коптилка и огонечек малюсенький горел в кухне, от улицы не видно. Он зашел, видит у мамы близко где-то, он зашел туда. Вы здесь, уходите, говорит. Это какой-то хороший человек, немец, на польском языке говорил немного. И говорит на маму – уходите, потому что сейчас мы подпалим склад этот с бензином и может достать пламя к вам. Уходите из дому. Ну мы, правда, послушали. Мы ушли, мама ушла отсюда во двор вышла с ним, а на веранду кинули нам овечку хромую, овцу и она там тук-тук хромая на трех ногах. А мы думали, Боже мой, что. Я уже рассказываю про себя прямо то, как мы переживали. Ну. И запалили они этот склад. Запалили склад. И это пламя действительно такое страшное, такое страшное пламя. Но не загорелись мы, ни дом ни наш, ни еврейский рядом стоял дом тоже. Рядом стоял дом, а что с этими евреями было. Ну тоже пустой дом, жильцов нет. Этот дом тоже остался. Эти немцы ушли. И говорит, уходите, мы уже уходим, мы уже последние едем. Я говорю, как они ехали тихо, что мы так не очень-то слышали. Ну ничего. Они ушли.

Начало светать. Начало светать, слышим уже труф-труф-труф, подводы, мы обратно в огород. Что ж он нас обманул, что последние. Не последние. Потуркало немножко и стихло. А это какие-то люди уже явились. Гражданские, в город. Надо что-то было, видно. Мы не выходили, только посмотрели, что это никакие и сидим дальше. Сидим, пришли домой. Начало светать. Немцы когда уходили, последние, я на веранде. Веранда была у нас открытая. Я встала на веранде, говорю, мама, горит дом. Пик евреи жили там. Дом еврейский горит. Я говорю, я пойду лину. Мама говорит, не смей идти, может там за углом где стоит и ждет кого, то застрелит еще тебя, ты с ведром пойдешь. А если бы я пошла и линула, и город бы не сгорел. А мама не дала мне, не дала, говорит, побоялась. Говорит, ну хорошо было бы, хорошо бы ты сделала, но ты не иди, потому что опасно. Можешь остаться там с этим огнем. Ну немного рассвело, мама мне говорит, беги в лес, скажи, что немцы ушли. Я иду в лес. А лежала там, немцы сделали такую лежневку, как машине ходить, деревянные такие дороги на Буды, на Барановичи когда ехать. Я бегу, бегом бегу, бегом бегу, смотрю – машина идет. Я еще хуже в лес, крутанула в лес, дорожка там была в деревню идти уже, около кладбища недалеко. Я на эту дорожку, думаю себе я, побегу быстренько, скажу им, что уже все. Но интересно же, машина какая еще пошла. Малая была, а интересно. Слышу – девочка, девочка, обожди – на русском языке. Девочка, обожди, девочка, обожди. А я думаю себе нет, нету дуры и дальше бегу. Бегу еще больше. Стараюсь, как могу. Он за мной бежит, человек. Ну я оглянусь. Я же бегу бегом, так я мало оглядывалась. А он все кричит – девочка, обожди. Я русский, я русский, обожди. Я бегу и думаю – недалеко деревня, где они прячутся. Ну я задержалась, подходит он ко мне и спрашивает. Я, говорит, машина,

это, говорит, наша машина русская, мы уже русские идем сюда. Ты не бойся нас. Я, говорю, ну я иду сказать всем, что уже немцы ушли. Он говорит, куда ты бежишь. А я бегу к людям сказать, что уже немцы ушли. Прихожу домой, а эти русские, мама уже их кормит, они уже помылись. А колодец был у нас недалеко. Они уже помылись, эти русские солдаты. Три их было. Разведка. Командир был такой низкий, коренастый такой, здоровый. Он приезжал после войны сюда на первую, первые когда русские, но я не подошла, постеснялась подойти к нему. А я его узнала. Знаю, что это он. И потом фамилия. Объявили на митинге, был митинг, встреча русских и объявили, что вот такой-то первый, что Ганцевичи занимал, это этот.

- А скажите, вот этот дом, угол которого...
- Как?
- Дом, которого уже угол горел...
- Угол горел, да
- Ну который Вы хотели потушить...
- Да. Это был еврейский дом.
- Но понятно, но...
- Пустой.
- Этот огонь как-то распространился?
- Он распространялся высоко, он же бензином облил.
- Нет, нет, нет, дом когда горел.
- А горел.
- Который Вы хотели с ведром пойти, помните?
- Да, да.
- Я и спрашиваю.
- Он распространился быстро, лето было ж, лето.

- И что?
- Он распространился быстро и потом пошел огонь. Дома были очень густо еврейские стояли, дома. Некоторые и наши погорели, дальше города тоже погорели. Но затушить невозможно было. Нет.
- Так сгорел весь город или только часть города?
- Часть города сгорела, середина вся выгорела.
- Но Ваш дом остался.
- Наш окраина, остался дом. И этот еврейский напротив остался дом. И этот, который был сбоку, тоже остался. Три дома остались тут.
- Я еще хотела Вас спросить. Вот этот сосед, который вернулся после того, как закапывали эти ямы...
- Когда что?
- Сосед Ваш, который вернулся и рассказывал об этом расстреле, как его звали?
- Застанкевич.
- Застанкевич. А имя?
- Имя не помню, Антон, кажется.
- В этом маленьком гетто, в этом рабочем гетто, где были мужчины, Вы их видели. Скажите, были ли такие там случаи или там слух какой-нибудь, чтобы там убили кого-нибудь в этом...
- Чтобы...
- Чтобы убили, чтобы человек помер?
- Нет, нет, не было там такого, чтобы убили там, в том гетто, нет, там не было такого, чтобы покойник, нет, не было. Там только были такие случаи, что издевались работой над ними.
- А вот Вы не сказали, кто были те, которые издевались?
- Которые что?
- Которые издевались.

- Которые издевались. Я ж говорю, были полицаи, были немцы. А кто? Они, если бы даже их и спросил, то они не сказали. Сказали бы, иди, какое твое дело? Нет, нет, не говорили они.
- И если мы... Мы как-то с Вами обсуждали, что этих работающих мужчин было, ну могло быть до ста, как Вы говорили, да?
- До чего?
- Что этих работающих мужчин...
- Да.
- Было где-то до ста человек.
- Да, было их много, этих мадяров. Про мадяров Вы говорите?
- Нет, нет, нет. Я говорю, что евреев, которые рвали вот эту траву...
- А. Евреи эти. Ту там их была толпа, вы знаете, я сказать не могу, сколько. Ну может человек пятьдесят было. Большая толпа была.
- Хорошо, а тогда я хотела бы узнать, а сколько было этих полицаев и немцев?
- Вы знаете что, этого я тоже не скажу, потому что они шуровали так: то один, то другой, то туда, то сюда бегали. Или те же самые, или другие, не знаю.
- Нет, ну я просто хотела сказать, те, которые заставляли это делать, их было столько же, сколько этих евреев или там вообще два человека?
- Нет, нет, нет, там их было много, но сколько – я не скажу, потому что они, знаете, сюда-туда бегали. А сколько их было? Ну многовато было их. Ну может человек пятнадцать, может двадцать бегали. Они же не сидели на месте. Может те же самые бегали все время, кто их знает. Ну в общем, форма была немецкая и полицаи.